

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

У кого детки, у того и бедки

Глава 1

Хорошенькое начало

Марина, любимая девушка Андрея Доброкладова, уехала в командировку. Поэтому вечер пятницы он провел в мужской компании. Засиделись в пивном ресторане и разошлись после полуночи. Утром следующего дня Андрей блаженно отсыпался. А когда проснулся и прислушался к голове — не болит, — порадовался. Хорошо, что ограничились пивом, не перешли к крепким напиткам.

Суббота полностью принадлежала ему. Ни встреч, ни обязательств, ни аврала на работе, Маринка в отъезде — свобода! Когда в постоянной гонке и суматохе выпадает день-пустышка, выходной в абсолютном смысле, — это подарок! Много подобных подарков Андрей бы не выдержал, почувствовал себя отброшенным на обочину жизни, заскулил от тоски. Но изредка побаловаться ничегонеделаньем чрезвычайно приятно.

Как будем ублажать наши бесценные величества — усталую душу и мускулистое тело (легкий жирок, накопившийся к тридцати годам, — не в счет и почти не заметен)? Во-первых, не бреемся, душ не прини-

маем, зубы чистим, если к тому возникнет непреодолимая тяга. Форма одежды — халат. Толстый, теплый, троекуровский, как говорит Маринка. Троекуров из какого произведения? «Дубровский» Пушкина, кажется. Повесть, роман? Какая разница? Все равно из школьного курса литературы помнится не сюжет, а потешная фраза, якобы из ученического сочинения: «Дубровский и Маша общались через дупло».

«Через дупло, через дупло...» — насвистывал Андрей, облачаясь в халат. Что у нас во-вторых? Персональный, единоличный, обильный и вкусный обед. Роскошный стейк, купленный вчера в супермаркете. Некоторые несознательные граждане называют стейком отбивные из свинины или баранины. Позор на их головы! Стейк, господа, это только говядина! Исключительно она, родимая, добытая из бычка, выращенного на зеленых лугах, особым образом выдержанная! Андрей достал из холодильника белый лоточек, на котором под пленкой покоился аппетитный кусок мяса. Маринка, владеющая тремя языками в совершенстве, разъезжающая по англиям и прочим америкам, про такой говорила с характерными для английского подвывающими интонациями: ти-бон стейк. Что в переводе на родную речь означает: говяжий бифштекс на т-образной кости.

«Ти-бон, бон, бон...» — перешел на новую мелодию Андрей. Гарнир? Жареный картофель. Какой русский не любит жареной картошки? Только тот, кто не наслаждается быстрой ездой. Это тоже литературное. Кажется, Гоголь: какой же русский не любит быстрой езды? Что-то меня сегодня на классику тянет. Поэтому, в-третьих, организуем культурную программу. Нет, книг читать не станем. Кино. Важ-

нейшее из искусств, как сказал великий Ленин. «Сколько в моей голове мусора хранится», ухмыльнулся Андрей.

Итак, кино по DVD-плееру. Два новых американских боевика, французская комедия, а окажутся они ерундой — поставим старые, добрые, беспроегрешные картины. «Чужих», чтобы в десятый раз восхищаться безупречностью спецэффектов. «Белое солнце пустыни», если потянет на патриотическое, обновим сборник цитат. «Мой друг Иван Лапшин», если появится философское настроение. А то и вообще устроим погружение в славное наивное прошлое — посмотрим подряд все серии «Семнадцати мгновений весны». Хороший старый фильм отличается от удовлетворительного нового тем, что в старом ты обязательно увидишь нечто пропущенное. Двадцатый раз смотришь, наизусть знаешь, а чувство новизны обеспечено. И оно дарит состояние сродни тому, которое бывает, когда в самом себе обнаруживаешь кладезь добродетели. Смотрел картину, а восхитился собой любимым. Диалектика, однако!

А почему только картошка на гарнир? Маловато будет. Кто нам запрещает сделать салат из свежих овощей и открыть баночку с грибами? Маринованные грибы требуют рюмку водки. Андрей прислушался к себе: нет, пить не хочется. Но рюмочка перед обедом, под маринованный масленок, который, упругий подлец, бегаёт по тарелке, выскальзывает из-под вилки, — это святое.

Купить правильный стейк — мало, надо уметь его приготовить. Женщины, убежден Андрей, с мясом обращаться не умеют. Они его жарят на слабом огне, из-за чего вытекают соки и потом булькают на ско-

вородке болотной жижей, тушат до ватной мягкости, и в результате мы получаем мясную мочалку, одинаково убогую, будь она приготовлена из перемороженной старой говядины или из парной телятины.

Милые дамы, вы никогда не охотились на мамонта, не жарили на вертеле дикого вепря или нежного олененка, отойдите в сторону от огня! Займитесь выделыванием шкур или расшивайте бисером мой новый охотничий камзол. Уж на что Маринка продвинутая девушка, а готовить стейки у нее не получается. То сковородку не нагреет до нужной температуры, то перевернуть мясо забудет. А в идеале оно должно иметь с обеих сторон тонкую корочку в миллиметр, далее прожаренную светлую часть, и в центре розовую полосочку сырого мяса. Уй, слюнки текут только от мыслей о сочной отбивной, классически прожаренной на три четверти.

Но мы торопиться не будем. Сначала почистим картофель и бросим его на сковороду. Потом вымоем и нашинкуем овощи для салата, заправим оливковым маслом, смешанным с соком лимона...

Андрей напевал марш тореадора из оперы «Кармен», мелодия отлично подходила к его настроению — предвкушению персонального праздника. На журнальном столике в большой комнате он расстелил салфетку, принес салат, грибы, хлеб и столовые приборы, вставил в приемник DVD-плеера диск с фильмом. Чтоб уж до тонкостей соблюсти декорации, перелил водку из бутылки, вынутой из морозильника, в маленький хрустальный графин. Рюмка и мгновенно запотевший графин отлично смотрелись на изысканном полотне под названием «обед холостяка-гурмана».

А вот теперь и главное таинство — приготовление стейка. Все рассчитано по секундам. Выкладываем на большую и непременно подогретую тарелку картофель, когда мясо, схватившееся с одной стороны, переворачиваем. Марш тореадора (трам-там-та-там!) в исполнении Андрея зазвучал в полную жизнерадостную мощь...

Буквально за секунду до того, как он собирался выключить газ под картошкой и перевернуть мясо, раздался звонок домофона. Ангел-хранитель шепнул Андрею на ухо: «Не отвечай!» Но предостережение не было услышано из-за бравурных «тореадоров» и шума вытяжного вентилятора над плитой.

— Андрей? — спросил мужской голос. — Это мы. Открывай.

Пока его рука поднималась, чтобы нажать кнопку и открыть дверь парадного, он успел пережить досаду и справиться с ней. Прощай, спокойный одинокий обед. Прибыли друзья, вчерашнего им не хватило, требуется продолжение банкета. Стейк останется несъеденным, потому что персонально жевать его неудобно, да и друзья наверняка тащат прорву пива и закусок. Что поделаешь? Человек — животное социальное, надо общаться. Человеческое общение — лучшее из богатств. Кто это сказал? Не тот ли, кто заявил: невозможно жить в обществе и быть свободным от общества.

«Утро сплошных цитат», — подумал Андрей и пошел открывать дверь квартиры, в которую уже звонили.

Но за порогом стояли не ребята, груженные снедью для мужской пирушки, а незнакомый дядька в зимней остроигольчатой нутриевой шапке. Лица не видно, потому что держит одной рукой поперек та-

лии ребенка. Малыш закован в стеганный комбинезон, руки параллельно полу, ноги в стороны — напоминает уменьшенную копию космонавта в скафандре, парящего в космосе. В другой руке у мужчины большая дорожная сумка. Андрей не успел сказать, мол, ошиблись дверью, как незваный гость двинул решительно вперед, вынудив Андрея посторониться.

— Здорово! Ну, мать моя женщина! Взопрел как мерин, пока от метро допер. Где разгружаться?

— Послушайте, вы...

Но мужик не слушал, топал по квартире.

— Ага, вот комната. Слава богу, прибыли.

Не преодолев растерянность первых минут наглого вторжения, Андрей наблюдал, как посторонний человек распорядится в его квартире. Мужик свалил ребенка на его тахту (постельное белье не убрано и не собиралось убираться по случаю субботнего расслабления), бухнул сумку на пол, снял шапку, вытер потный лоб и признался:

— Чуть живой. Сердце рвется от нагрузки и страданий.

— Вы ошиблись дверью.

— Не может быть! Короленко, дом один, квартира семнадцать?

— Да, но...

— Ты Андрей Сергеевич Доброкладов?

— Я.

— А это, значит, — мужик показал на ребенка, — твой сын Петька... в смысле наследник и все остальное.

— Сын? — не то пробулькал, не то прокаркал Андрей.

И уставился на малыша, лежавшего навзничь на смятой постели, по-прежнему закованного в космический скафандр. Ребенок не спал. Пухлое личико, обрамленное капюшоном, нос пипочкой, пара маленьких карих глаз, смотрящих выжидательно и терпеливо.

— Извини, старик, но это не мой. Детьми пока не обзавелся.

— Ты не в курсе. Ленка, шалава, а не девка, родная дочка одномоментно, по старому говоря, принесла в подоле...

Далее последовал рассказ, из которого можно было понять, что дочь этого мужика Ленка (вертихвостка, дурында, кикимора, смазливая пигалица) хотела поймать на крючок какого-то богача (старого пня, крокодила, олигарха долбаного) с помощью беременности. Но рожать от кого ни попадя, то есть от лысого старого пузатого олигарха, Ленка не желала. И выбрала из надежды на доброе семя его, Андрея, в качестве генофонда. В простонародной речи мудреное «генофонд» было неуместно и резало слух.

«Плохо подготовился, дружок!» — подумал Андрей и широко улыбнулся. Еще на середине сбивчивого монолога он догадался о природе этого представления. У одного из приятелей Андрея — из тех, с кем вчера вместе в ресторане сидели, — жена работала на телевидении. И обязанность ее заключалась в том, чтобы подбирать для передачи героев как бы натуральных, а на самом деле липовых. Самодельные артисты за малую плату изображали мужа-ревнивца, мать-одиночку или вредного пенсионера, терроризирующего весь подъезд, или тайного печального гомосексуалиста, или промышляющую мелки-

ми кражами слащавую бабульку. Самое поразительное — играл народ (по основной профессии пекари да слесари) настолько правдоподобно, что мало кто догадывался о подлоге. Станиславский, оплакивая свою систему, должен крутиться в гробу, как уж на сковородке, а ректоры театральных вузов от досады обязаны в стенаниях сгрызть ногти. Ни системы, ни пятилетнего обучения, кто попало изображает правду жизни так, что зрители прилипают к экрану телевизора, не оттащишь.

Нередко у жены приятеля случались авралы — съемки завтра, а типажа нет. И начинались телефонные уговоры (собственные соседи, родственники, их соседи и их родственники давно отработаны): помогите найти того, кто согласится изображать недотепу-интеллектуала или секс-бомбу районного масштаба. Конечно, помогали. Забавно, что тупого мачо-громилу представлял тишайший программист двухметрового роста, весом в полтора центнера, у которого в голове суперкомпьютер, а девушку легкого поведения играла кандидат искусствоведения, специалист по древнеяпонской живописи. На что не толкнет человеческая взаимовыручка, превращаясь в телевизионное приключение и падая в копилку забавных опытов, рассказ о которых украсит любое застолье.

И вот теперь друзья решили разыграть его, Андрея, с помощью самодеятельного артиста и чужого младенца. Вполне в их духе, розыгрыши ребята обожали.

Продолжая улыбаться, Андрей похлопал в ладоши:

— Bravo! Спектакль почти удался. В первом акте я порядочно струхнул. А где пацаны? Под дверью ожидают?

— Какие пацаны? — удивился его аплодисментам и речам мужик. — У нас только один парень, Петька. — Он снова показал на ребенка. — Мы с матерью, то есть с бабушкой, в смысле моей женой, не собирались тебя привлекать. Сами бы внучика на ноги подняли. Да вот горе, захворала моя старуха, в больницу забрали, врачи говорят, в любой момент ждите...

На его глаза навернулись вполне натуральные слезы. Мужик зашмыгал носом, вытер ладонью щеки, отлично изображая смущение, вызванное минутной слабостью.

— Да перестаньте вы! Я же сказал: розыгрыш удался, вы честно заработали гонорар, зовите ребят и верните ребенка родителям. Как они не побоялись малыша отдать в чужие руки?

— Ты и есть родитель, а я дедушка. Не справиться мне одному с Петькой, но буду всячески помогать. А Ленка, лахудра гуляющая, в Германию три месяца назад укатила, пляшет там в каком-то ресторане, трясет ляжками. Ни дня Петьку не кормила, искусственник парень, но вес хорошо набирал. Я тебе тут на первое время, — он показал на сумку, — несколько коробок смеси принес. А еще Петькину одежонку, бутылочки и прочее приданое...

— Послушайте! Меня это начинает утомлять. Должна быть, в конце концов, мера. Заканчивайте представление художественной самодеятельности и до свидания.

— Ты это в смысле, что не признаешь Петьку?

— Естественно!

— Имеются данные.

Мужик наклонился, расстегнул молнию на сумке, вытащил пластиковую папку. Протянул ее Анд-